

[Илюхина 1999]. Одним из направлений лингвистического исследования художественного образа является изучение различных способов образной интерпретации определенного денотата национального русского языка [Нефедова 2001, Дьячкова 2002, Анисимова 2003, Осколкова 2004]. В основе таких работ лежит концепция денотативного класса, развиваемая Т.В. Симашко [1998]. Мы полагаем, что основные положения концепции денотативного класса могут быть распространены и на межъязыковые исследования художественного образа, которые до сих пор не проводились.

Нами разработана методика сопоставительно-семасиологического анализа художественных образов с учетом понятия денотативного класса. Она сводится к следующему. В составе денотативных классов каждого из изучаемых языков имеются группы индивидуально-авторских образов прямо или косвенно ориентированных на определенный объект в одном из его конкретных состояний или проявлений. Данные об объекте в той или иной его манифестации зафиксированы в художественных образах в единстве чувственного, прагматического и рационального семантических компонентов, закрепляющих результаты эстетического способа освоения действительности, и поддаются сопоставлению. Сходные сведения интерпретируются как проявления семантического сходства между сопоставляемыми языками, а специфические данные – как манифестации семантической оригинальности изучаемых языков.

Основанием при сопоставительно-семасиологическом анализе художественных образов является совокупность прямых и косвенных концептуальных признаков. К прямым концептуальным признакам относятся: частеречная закреплённость, словообразовательные модели, внутренняя форма, отнесенность семантической единицы к фразеологизмам или устойчивым сочетаниям слов нефразеологического характера, стратификационные характеристики семантических единиц, а также лексическое значение как динамический комплекс. Косвенные концептуальные признаки включают: особенности выражения наглядно-чувственной основы художественного образа, зависимость эмоциональной, утилитарной и эстетической оценки явления от позиции текстового субъекта, интерпретацию скрытых смыслов, составляющих эстетическое значение слова, структурирование ассоциативного пространства, связанного с объектом, особенности выражения метафоризируемых свойств и состояний объекта в рассматриваемых лингвокультурах.

Определенная субъективность исследования, проводимого на основе неопределяемых сущностей, компенсируется комплексным подходом к анализу способов закрепления концептуальных признаков в художественных образах.

Сравнивая художественные образы по указанным концептуальным признакам можно с достаточной определенностью и полнотой установить, какие свойства объекта в сопоставляемых языках рассматриваются как сходные, а какие – как специфические.

Межъязыковое семасиологическое изучение художественных образов позволяет выявить типичное и

оригинальное в характере интерпретации действительности в сфере художественного познания разных языков. Полученные сведения представляются существенно важными для семасиологической типологии, и в этом мы видим перспективу избранного в работе подхода.

РЕЧЕВЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ЗАЧИНЕ ДИАЛОГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Тетакаева Л.М.

Речевой этикет, реализуя, главным образом, контактоустанавливающую функцию, способствует налаживанию отношений между собеседниками на начальной стадии общения. В связи с этим первоначальной целью адресанта является привлечение внимания адресата, т.е. включение его в контакт. Речевой этикет связан, с одной стороны, с условиями общения, а с другой – с самими устойчивыми формулами общения. Последние находятся в прямой зависимости от типизированных частотных ситуаций. За ситуациями (стандартными или переменными) происходит накопление единиц стереотипного речевого поведения, одним из компонентов которых являются речевые стереотипы. Они менее стандартизованы, чем речевые формулы, что обуславливает большую возможность варьированности их компонентного состава. Речевые стереотипы в отличие от большей части речевых формул представляют собой предложения, очевидно, поэтому всегда информативны, и что немаловажно, речевые стереотипы «привязаны» к ситуациям. Среди речевых стереотипов необходимо выделить безглагольные, на которые указывают многие исследователи различных направлений (О. Есперсен, Дж. Керм, Блумфильд, Фрэнсис, А. Гардинер, А.И. Смирницкий и др.). Дж. Керм, приводя следующие примеры: «The salt, please!» «All aboard!» «Down in front!»; «Hats off!»; «Forward, brave companion!» пишет в своей «Грамматике английского языка», что предложения, в которых в функции императивов выступают существительные, наречия, предложные сочетания и т.п., очень употребительны в живом разговорном языке [Curme G.]. О. Есперсен считает, что просьбы объединяют большое количество высказываний, включая выражения типа «Another bottle!». Далее он подразделяет безглагольные предложения на нечленимые, например: «Off!» и получленимые: «Off with his head!». Это происходит в том случае, когда номинируется тот семантический элемент, который является целью конкретного действия [Чахоян Л.П.]. Иначе их еще называют «безглагольными побудительными предложениями» [Бузаров В.В.] или «безимперативными побудительными предложениями» [Прибыток И.И.]. Среди них можно выделить субстантивные беспредложные предложения, например: «Attention!»; субстантивные предложные предложения типа: «On stage!»; адвербиальные предложения, например: «Enough!», адъективные предложения типа: «Next!».

На основе анализа исследуемого языкового материала мы предлагаем следующую классификацию речевых стереотипов:

1. Речевые стереотипы «знакомства» - This is..., Here is..., Let me introduce?, I have the honour to introduce..., May I present...?, I'm..., My name is...; например: «This is Virginia Calderwood, Gretchen», Rudolph said. «The boss's youngest. I've told her all about you» (Show I.).

2. Речевые стереотипы «спроса и предложения» - I'd like..., I want..., I need..., I'll have (a scotch and soda, vodka) on ice, Here is..., Do you want...?, What would you like?, Let's..., What about...?, What can I do for you?, безглагольные речевые стереотипы («Hot dogs!», «Ham and eggs»); например: «Would you like a cup of coffee while you wait?» she asked. «No, thank you, ma'am, he said» (Show I.).

3. Речевые стереотипы «приглашения» - This way, Dinner (Luncheon) is served; This chair; например: Perkins came in and said, «Dinner is served, sir» (Shaw I.).

4. Безглагольные речевые стереотипы «приказы» - «Quiet!», «Attention!», «Room!» и другие; например: Judge: (tapping his gavel, shouting over the noise) Quiet! Order! This court is still in session (Lawrence J., Lee R.).

5. Речевые стереотипы «просьбы» - I want to see... (talk..., tell...), Will you...?, May I...? Do you mind if I...?, Let me talk... (tell...), Tell me..., Can I (you, we)...?; например: Hardacre: (very angrily) Will you stop that nonsense and listen to me for a minute? It'll be for your own good (Priestly J.).

Необходимо отметить, что первая группа речевых стереотипов функционирует лишь в вариательной ситуации «Знакомство».

Вторая группа речевых стереотипов используется, как в вариательной ситуации «Предложение», так и в стандартных ситуациях «В магазине», «На улице», «В ресторане».

В третьей группе речевых стереотипов первые два стереотипа реализуются в вариательной ситуации «Приглашение», а последний - в стандартной ситуации «В парикмахерской».

Под четвертым и пятым пунктами представлены наборы речевых стереотипов, функционирующие только в одноименных вариательных ситуациях, а именно - «Приказ», «Просьба».

РИТМ ИМЕННОЙ МОЛИТВЫ

А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Цынк С.В.

Дмитровградский институт технологии, управления и дизайна (филиал Ульяновского государственного технического университета)

А.И. Солженицын – писатель, выдающийся представитель христианской духовности, “последний великий русский” (Ю. Кублановский) – человек молящийся.

Ритмический повтор – одно из фундаментальных свойств молитвы как организованного текста. Ритм именной молитвы А.И. Солженицына имеет отчетливо хореическую структуру из стоп, характеризующихся начальным ударным стихом. Но кроме плана выражения ритм в этом произведении присутствует и в плане содержания.

Предикаты, или семантические операторы (термин Н.Л. Мусхелишвили Ю.А. Шрейдера), солженицынской молитвы соответствуют ролям входящих в высказывательную форму актантов: 1) Автор, или коммуникатор (лексическое средство выражения – личное местоимение “я”); 2) Адресат, или перцепиент (“Ты”, “Господи”); 3) Объект, которому передается “информация” (“мир”, “умнейшие люди”, “человечество”, “другие”)

Условная семантическая запись позволяет выделить в стихах исследуемого религиозного текста интуитивно ощущаемое ритмическое чередование использованных операторов:

Автор – адресат

Автор – адресат – объект

Автор – адресат

Автор – адресат

Автор – адресат – объект

Автор – адресат

Автор – адресат – объект (субъект)

Повтор всех трех выделенных операторов наблюдается во втором и пятом стихах, то есть получается правильный ритмический узор: + (1) – (2) + (3) + (4) – (5) + (6)

Последний стих ни с чем не “рифмуется”, его семантическая фигура выражает финал – апофеоз молитвы: “другие” превращаются из объекта передачи Истины в субъект. Писателю “легко” жить, так как он надеется на то, что его стезю продолжат:

Как легко мне жить с Тобой, Господи!

Как легко мне верить в Тебя...

Глубинный смысл именной молитвы А.И. Солженицына можно интерпретировать как утверждение контакта Бога и молящегося в качестве необходимого условия “сбережения народа”, осознание того, что миссия писателя-пророка необходима на земле.